

Питер
Тейлор

ВЫЗОВ В МЕМФИС



Пулитцеровская премия
1987 года

18+

Классический американский роман
о семейных узах, ошибках длиною
в жизнь, мести и прощении

Оглавление

1	7
2	28
3	58
4	76
5	92
6	117
7	139
8	162
9	166
10	175
11	194
12	217

1

Ухаживания и новый брак старого вдовца всегда осложняются, если в деле замешаны взрослые дети, особенно незамужние дочери. Лет сорок назад именно так и было в Мемфисе — глубоко провинциальном городе без выхода к морю. По крайней мере, невозможно поспорить, что в Мемфисе старым вдовцам было сложнее жениться второй раз, чем в Нэшвилле или, скажем, в Ноксвилле, — или даже в Чаттануге, если на то пошло. Достаточно хоть немного знать эти города, чтобы исчезли всякие сомнения. Впрочем, нельзя с такой же уверенностью объяснить, почему это затруднение было так характерно именно для Мемфиса — разве что потому, что жизнь в нем, в отличие от других городов Теннесси, по сей день вращается вокруг земли. Там практически любой приличный человек до сих пор владеет собственным участком. Будь то в Арканзасе, или в Западном Теннесси, или в дельте Миссисипи. И возможно, в деле, где участвует земля, любые семейные проблемы не могут не стать запутанными, безрассудными, отчаянными.

Так или иначе, во времена, когда я был подростком и только переехал из Нэшвилла в Мемфис, мне нередко приходилось слышать о каком-нибудь пожилом вдовце, чьи бдительные взрослые дети шли на все, лишь бы спасти его от необдуманного второго брака. Будущую невесту в таких случаях часто старались всячески очернить перед каждым, кто готов был слушать. Если же дела совсем выходили из-под контроля, нередко

поднимался вопрос о вменяемости старого вдовца. Самых же взрослых детей либо жалели, либо поднимали на смех — по той простой причине, что теперь они, разумеется, останутся без наследства. Моей семье, совсем недавно перебравшейся в Мемфис из Нэшвилла, это казалось вульгарным и в высшей степени нелепым. Мы не привыкли к тому, чтобы люди предавали подобной огласке свои личные проблемы. Собственно говоря, мой отец и не думал переезжать в Мемфис. Этого бы не случилось, если бы в Нэшвилле его не обманул и едва не довел до разорения ближайший друг и основной клиент, некий мистер Льюис Шеклфорд. Но вышло так, что отец не пожелал жить в одном городе с таким вероломным и нечестным человеком, как Льюис Шеклфорд. Сам отец был высококлассным юристом и знал, что его репутация станет известна в Мемфисе еще до его прибытия. Поэтому он без шума перевез жену и четверых детей на берега Миссисипи, где нам, членам его семьи, пришлось привыкать к своеобразным местным устоям — а именно тем, что ассоциируются с хлопковой и речной культурой Глубокого Юга. И сам переезд, и необходимость подстроиться потребовали серьезных усилий и так или иначе легли на каждого тяжким бременем. Но в целом все прошло тихо и без фанфар, в лучших традициях Верхнего Юга. В нашей семье не было ничего от Глубокого Юга — важное отличие в наших собственных глазах. Отец тогда не стал публично отрекаться от человека, который его предал и вынудил переехать. Просто его имя оказалось под запретом в нашем новом мемфисском доме.

Почти сразу же после переезда в Мемфис до нашей нэшвиллской семьи дошли новости о соседе — богатом

старом вдовце, которому взбрело в голову снова жениться, из-за чего собственные, уже взрослые, дети стали его всячески осуждать и притеснять. Образ этого старика я сохранил в памяти до сих пор — как некий символ самого Мемфиса: богатый старый отец семейства, чье завещание ни для кого ни секрет, вдруг решил снова жениться и тем самым полностью нарушил планы всех заинтересованных лиц, — чрезвычайно эгоистичный поступок без всякой мысли о семейных традициях и о том, какого мнения о нем будут его потомки. Довершая в моей голове эту картину символической мемфисской ситуации, на первый план, разумеется, неизбежно выходят взрослые дети — и, возможно, уже подросшие внуки, — выходят, чтобы с возмущением заявить, что не потерпят подобного шага со стороны старого вдовца — богатого и эгоистичного, ведь его больше заботят собственные удовольствие и комфорт, нежели имя и честь семьи. Увы, подобную картину мы наблюдали очень часто в первые годы нашей жизни там, на берегах Миссисипи.

Когда два года назад умерла моя пожилая мать, мне сперва и в голову не пришло, что подобные затруднения возникнут и у нас. В конце концов, мы ведь не были настоящей мемфисской семьей. Мы прожили в Мемфисе только тридцать лет. Более того, в семье не было внуков — чьим именем обычно оправдываются поведение детей и все нападки на главу семьи. И мой отец давно уже избавился от земельных владений на северо-западе Теннесси. К тому же сам я прожил в Манхэттене больше двадцати лет. Подобная перспектива представлялась мне очень отдаленной. Мой единственный брат погиб очень давно,

на Второй мировой войне. А две незамужние старшие сестры вели собственный успешный бизнес. Казалось, они слишком гордятся отцом и любят его, чтобы открыто критиковать какой бы то ни было его курс действий.

Суть же в том, что уже спустя несколько недель после похорон матери сестры начали в шутку поддразнивать отца по поводу знакомых ему дам, которые с завидной регулярностью приглашали его на ужин. Мне это показалось вполне здоровым знаком. Ближайший мой друг в Мемфисе, Алекс Мерсер, написал мне тогда, что он восхищается поведением Бетси и Жозефины. Нет никаких признаков, что они возьмут на себя какую-либо попечительскую или собственническую роль, заверял Алекс. И потом, спустя два-три месяца, Алекс вновь написал мне, чтобы выразить восхищение моими сестрами. Общественная жизнь старика между тем приняла новый оборот. Мой почтенный отец начал появляться в ночных клубах и барах — и, разумеется, не с пожилыми дамами, а с «молоденькими девицами» — совсем другого сорта, нежели те леди, что приглашали его пообедать. Моего друга Алекса как одного из главных почитателей отца такое поведение шокировало и несколько задело за живое. Но что касается моих сестер, дам средних лет, то они, казалось, были в восторге от нового поворота. И это показалось мне особенно приятным. В письмах они даже выражали надежду, что и я проявлю не меньшую широту взглядов. Мне показалось, что это приятнейшая возможность поразмышлять. Можно ли требовать большего? Все устроилось на редкость цивилизованно. Но когда по прошествии двух месяцев ситуация вновь переменялась и отец начал оказывать знаки

внимания respectable, но заурядной школьной учительнице по имени миссис Клара Стокуэлл, — где он с ней познакомился, сестрам было неизвестно, — Бетси и Жозефина заговорили совсем по-другому. Тогда-то мне, уже проживавшему в Манхэттене, и позвонили обе сестры — причем каждая по отдельности — и принялись настойчиво убеждать меня безотлагательно вылететь в Мемфис, чтобы помочь предотвратить роковую ошибку старика отца. Должен сказать, теперь поведение сестер напомнило мне все те же старые мемфисские порядки. Просто-таки не верилось, что все это происходит с нами — и в наше время и в таком месте, как современный Мемфис: уже не городке в двести тысяч душ населения, а обширной метрополии, где проживало около девятисот тысяч человек.

Звонки от каждой из сестер — сначала один, через двадцать минут второй — раздались в темноте воскресного мартовского вечера, когда я был один в своей манхэттенской квартире. Я не сразу решил поехать в Мемфис на следующий день и с самого начала не был уверен, что хочу участвовать в кампании сестер против отца. Разумеется, меня поразила внезапная перемена в их настроении, но в какой-то степени она казалась понятной. Пожилые дамы и молоденькие девицы, конечно, не представляли такую угрозу холостяцкому положению отца, как разумная женщина вроде миссис Клары Стокуэлл. И все же мне хотелось знать, безотносительно всех предположительных оправданий, какие действия собираются предпринять Бетси и Жозефина. Мне казалось, что им не доставало ресурсов, которые когда-то имелись в распоряжении взрослых детей. Другими

словами, дочерний авторитет в делах со стариками был уже не тем, что прежде. И все же в ходе телефонных разговоров в те воскресные сумерки в голосах сестер мне послышался тот самый стародавний гнев, и потому я забеспокоился о благополучии отца.

Как я уже говорил, я был один в своей квартире, когда раздались звонки, и это одинокое на тот момент положение стоит упоминания. Оно немало повлияло на итоговое решение лететь в Мемфис. Вы должны понимать, что моя жизнь в Нью-Йорке весьма отличалась от жизни нашей семьи в Мемфисе. Я покинул отчий дом, будучи младше тридцати лет от роду, — молодой человек, недавно вернувшийся со Второй мировой войны. Уже несколько лет я жил в нынешней квартире с Холли Каплан (Холли на пятнадцать лет моложе меня, а мне на момент тех событий было сорок девять). Но в предыдущее воскресенье Холли съехала. Съехала после целого десятка лет совместного проживания. Я говорю об этом, чтобы пояснить, почему пребывал в том состоянии, в котором пребывал, и почему отреагировал на новости об отце так, как отреагировал. Собственно говоря, Холли Каплан вернулась ко мне всего через несколько недель после описываемых событий, и с тех пор мы неразлучно живем с ней в сравнительном благополучии: она продолжает работать в журнале, а я как никогда увлечен коллекционированием редких книг и редакторской деятельностью в издательском доме, с которым сотрудничаю на протяжении двадцати лет. Наша упорядоченная совместная жизнь — моя и Холли — по-прежнему отличается, насколько это только возможно, от жизни моей

семьи в Мемфисе или, если на то пошло, жизни еврейской семьи Холли в Кливленде.

Так или иначе, несколько последних месяцев мы с Холли просто-таки бесконечно изводили друг друга и ссорились — казалось бы, из-за пустяков. Мне кажется, наш случай был очередным примером кризиса среднего возраста, каким он бывает как у разумных людей вроде нас, живущих вместе невенчанными в Нью-Йорке, так и у менее везучих, томящихся в неудачном браке где-нибудь в Мемфисе или в Кливленде. Когда в то воскресенье начались телефонные звонки от моих сестер, на улице уже неделю стоял собачий холод и по полдня сыпал снег. Тротуары были завалены уродливыми серыми сугробами, промерзшими до основания. У меня не было никакого желания выходить. Звонок Бетси раздался ровно в пять часов, в унылые воскресные сумерки. Не успело пройти и двадцати минут после его завершения, как последовал звонок Джо.

Я не выходил из квартиры уже два дня. Когда я не работал с рукописями и гранками, я пытался понять, что пошло не так между мной и Холли. Никто из нас не знал, что именно подвело, почему безмятежное сосуществование перестало приносить нам удовольствие. Мы неделями и месяцами перебирали детали нашей систематичной и упорядоченной жизни, думая найти проблему в каком-нибудь элементе, который наверняка слишком очевиден, чтобы разглядеть его с первого раза.

Мы обвиняли друг друга в том, что интересуемся кем-то на стороне. Действительно, в моем издательстве была девушка, новенькая, которую я находил очень привлекательной. Я пытался изучить собственные мотивы

и понять, вдруг я подсознательно позволяю этому факту повлиять на мое поведение с Холли. Но ничего подобного. Вероятно, Холли так же изучила свои мотивы и явно сочла себя невиновной. Так или иначе, казалось, нам остается только временно расстаться. Спустя всего два-три дня после ухода Холли я уже знал, что ничего не получу от раздельного проживания. Я представлял, что проведу всю оставшуюся жизнь в одиночестве — как провел первые годы в Нью-Йорке. Так и видел, как каждое утро плетусь по маленькому коридорчику из спальни на кухню и обратно в кабинет, сажусь за работу, не сказав никому ни слова. (По утрам я никогда не ездил в издательство.) Мрачная перспектива. Я уже не мог вынести и вида той новенькой девушки в офисе. А худшим временем, разумеется, были выходные. В этих-то обстоятельствах я и принял звонки из Мемфиса.

Когда зазвонил телефон и я услышал Бетси, я понял, что еще никогда не был так рад голосу сестры. Но в то же время я был озадачен и смущен, потому что Бетси и Жозефина Карвер принадлежали к тому поколению, для которого междугородный звонок, если речь не шла о деловых вопросах, означал только одно. А именно — семейный кризис, и это еще мягко сказано. Мои сестры — из того поколения, которое взросло во время превратностей Великой депрессии. И на нашей семье эти превратности сказались тяжело. Они вылились — из-за мистера Льюиса Шеклфорда, обманщика и предателя моего отца, — в переезд из великолепного поместья на Франклин-Пайк к югу от Нэшвилла в простенький городской дом в центре Мемфиса. Какой бы достаток с тех пор ни приобрели отец и сестры,

Бетси и Джо так и не изжили привычки экономить: гасили свет в пустой комнате, не оставляли печь, уходя из дома, не делали ненужных междугородных звонков. Душой и разумом они все еще жили в дни Депрессии тридцатых. Возможно, это поспособствовало невероятному успеху, которого они добились в своем семейном агентстве по страхованию и недвижимости. Но я не могу говорить об этом с уверенностью, поскольку сам бизнесменом не являюсь. Разумеется, я — из одного поколения с сестрами, но, скажем так, совершенно другого темперамента и, пожалуй, достаточно молод, чтобы не прочувствовать на себе в полную силу уроков Депрессии. Услышав голос сестры, я сразу спросил: «Что-то случилось, Бетси?» Повисло молчание, и в наступившей тишине я почти видел ее лицо — особенно рот, как она прикусывает сперва верхнюю, а потом нижнюю губу, решая, сообщить новости постепенно или сразу. Видимо, остановилась она на первом.

— Да, Филип, — объявила она, повышая голос на целую октаву. — Это по поводу отца.

Опять наступила тишина. И тогда, кажется, я испытал некую радость. За долгую одинокую неделю после ухода Холли я так пал духом, что на несколько мгновений искренне обрадовался, что где-то в Мемфисе у кого-то тоже неприятности. Потом я сказал себе, что дело не только в этом. Скорее, я просто был счастлив хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей о будущей одинокой жизни. Мне казалось, я ни за что не смогу убедить другую молодую женщину вроде Холли Каплан жить со мной. Залысины, плохая осанка, неопрятная одежда — все было против меня. И потому, отвечая,

я быстро сменил интонацию. Мне хотелось отвлечься и развлечься.

— Что такое, Бетси? — спросил я. — Что могло случиться?

Теперь настала очередь Бетси взять паузу. Она снова раздумывала, как лучше подать новости. Эти колебания сами по себе были поводом для беспокойства, потому что обе сестры, как правило, не лезли за словом в карман. Наконец, она больше не смогла сдерживаться и перешла сразу к делу:

— Отец, Филип. Твой отец планирует жениться.

Если честно, тут я расхохотался. *Мой* отец. Как будто всю жизнь он не был скорее отцом Бетси и Жозефины, чем моим! Но это еще полбеды. Отцу исполнился восемьдесят один, он страдал от множества хворей, приходящих с возрастом. Как не рассмеяться, представив его женихом? И все же я понял, что поступил грубо и нетактично, и, когда немного погодя позвонила Жозефина, я уже подготовился и вел себя сдержаннее. Однако поначалу сама эта мысль показалась мне забавной по нескольким причинам. Во-первых, мне становилось смешно, стоило вспомнить нелепую картину, которая возникала благодаря недавним письмам Бетси и Джо: каждая писала мне о двух видах времяпрепровождения нашего отца — о вечерах с пожилыми дамами и о ночах в городе — с молоденькими женщинами (письма казались неприкрыто юмористическими). Во-вторых, по моему многолетнему представлению, он был отцом, мужем и человеком такого природного или приобретенного авторитета, что его дети не могли даже подумать о столь важном шаге, как свадьба, без *его совета или*

благословения — или, вернее, не смирившись с его неизбежной отбраковкой потенциального претендента. Понимаете ли, никто из его четырех детей так и не вступил в брак. И вот теперь две незамужние дочери собираются сказать последнее слово о *его* свадебных планах. Я не мог объяснить причину своего смеха Бетси. Но когда она меня не поддержала, я сказал:

— И кто же эта несчастливая избранница? — В такой момент трудно было избежать иронии. Наступила очередная пауза, а затем я услышал:

— Фил, это не повод для шуток. Это миссис Клара Стокуэлл. Она живет у Джермантауна, недалеко от дома наших мамы и папы.

Впервые одна из сестер вспомнила мать в контексте ночной жизни отца. И теперь Бетси говорила таким тоном, будто мать еще жива и остается в огромном одноэтажном загородном доме, который отец построил, чтобы они вместе провели там будущую старость. Это упоминание меня слегка заинтересовало. Мне показалось, что оно обозначает новые настроения во взглядах моей сестры. Но все же я по-прежнему ни о чем не переживал и не мог выразить интерес, который от меня ожидали, — хотя, конечно, подумал о деньгах. И сказал себе, что если меня что-то здесь вообще интересует, то это только отцовские деньги. Я сказал себе, что, возможно, начинаю понимать чувства других сыновей и дочерей пожилых мемфисских вдовцов. Откуда мне было знать? Возможно, однажды все его состояние отойдет будущей жене. И меньше всего я понимал собственные чувства по этому поводу.

Но совершенно точно меня нисколько не скандализировало отцовское поведение. Я поискал в мыслях, что бы

подходящего ответить Бетси. Я никогда не умел разговаривать по телефону. Тут Бетси сама сказала, причем таким тоном, словно ее только что осенило: «Эти паузы дорого стоят, Филип». А затем начала настаивать на моем приезде в Мемфис. Она говорила, что я обязательно должен прибыть уже завтра. А когда позвонила сестра Жозефина, все повторилось вновь. Они как будто заранее скоординировали усилия. Их главной задачей было добиться, чтобы я попал на борт самолета в Мемфис на следующее же утро. Из звонка Джо — который раздался так скоро после разговора с Бетси, что я еще не успел отойти от телефона, — я узнал только, что миссис Стокуэлл планирует присоединиться к Джо, Бетси и отцу на ужине в Мемфисском загородном клубе. И впоследствии мне показалось, что второй задачей в стратегии Бетси и Джо было дать мне как можно меньше информации о самой миссис Кларе Стокуэлл.

После второго телефонного разговора я продолжал сидеть у телефона на лоджии. Уже наступила полная темнота, когда я наконец включил свет и перешел в кабинет. Я так и видел отца в этот самый миг — хотя, разумеется, время в Мемфисе на час опережает время в Манхэттене, — как он ходит среди сумеречных теней своего загородного дома, пока в двадцати кварталах две его дочери общались со мной по телефону и планировали чинить препоны на пути к его, должно быть, главной нынешней цели в жизни. Кажется, я оставался совершенно равнодушным. Думал только: «О, нравы Мемфиса!» И чувствовал прилив радости, что сам уже давно от туда выбрался.